

В прошлой жизни я была мужчиной

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Тори Грасс

Филологический стендап

Тори Грасс

**В прошлой жизни
я была мужчиной**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Грасс Т.

В прошлой жизни я была мужчиной / Т. Грасс — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Тори Грасс, она же Виктория Кирилова — творческая реинкарнация, альтер эго серьезной академической писательницы Виктории Травской, безрассудно попробовавшей перо в сборнике новелл Зосимы Тилль и сразу ставшая бетой и пси этого соавторского литературного проекта. Не нужно плакать. Тори и Виктория — две больших разницы. Просто перечитайте находящееся у вас в руках издание от начала и до конца. Результат не заставит себя ждать! Лично мне то, что умеет в литературном плане делать эта взрослая опытная девочка, более чем по душе. Но сделайте одолжение, без вот этих вот слюнявых сюси-пусси — и в душ! Содержит нецензурную брань.

© Грасс Т., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

В ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ Я БЫЛА МУЖЧИНОЙ...	5
Вы ещё не знаете, что такое бред!	5
Когда тебя любят	6
Прямой уголь	7
Фанера над Парижем	10
Ситуёвина	12
В прошлой жизни я была мужчиной	13
Любовь с нечистой совестью	15
Моя древнейшая профессия	17
Глокая куздра	19
Восемь минус три	21
Гравитация лаконизма	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Тори Грасс

В прошлой жизни я была мужчиной

В ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ Я БЫЛА МУЖЧИНОЙ...

Вы ещё не знаете, что такое бред!

“Что мне, ни в чём не знавшей меры, Чужие и свои?!”

Дорогие мои листатели!

Этой книги без вас бы не было. Вы как раз те, кто знает, из какого сора! Из каких ссор, баталий, стёба, хохота, маленьких личных драм и больших личных трагедий, из бессонниц и непонимания, из бессонниц вследствие понимания, из понимания, пришедшего в результате бессонниц, родилась это книга. Точнее, пока не догадываетесь, что знаете.

Вы – источник моего вдохновения, коллективная муза и тот самый Случайный Попутчик, которому расскажешь даже то, в чём не признаешься и себе.

Люблю вас – жёлчных и насмешливых, серьёзных и дурашливых, суровых и отзывчивых, сдержанных и безбашенных. Будьте счастливы – растите счастье в себе! Оно, как кристалл в насыщенном растворе, вырастает из полноты жизни.

Нет у меня судьи более строгого, чем я сама. Это кто-то другой под влиянием дурного настроения может мимоходом навалить инсталляцию под дверь автора и удалиться с чувством глубокого удовлетворения – автору такой *modus operandi* облегчения не принесёт. Автор прежде измучает свой творческий орган (ударение на ваше усмотрение), исчеркает пропасть бумаги и выпьет галлон любимого... топлива. А после, перечитав написанное на относительно свежую голову, перечеркнёт всё жирным Андреевским крестом, произнесёт сакраментальное «бред» – и начнёт всё сначала: у автора «бредом» дело не заканчивается, а только начинается, и это ещё наиболее пристойная из оценок собственного творчества.

Если какой-нибудь Писатель Чистовиков скажет вам, что пишет боговдохновенные строки и потому не считает себя в праве зачеркнуть в них ни единого слова, посоветуйте ему не клеветать на Господа: тот, кто создал действующую модель такой сложности, каковой является этот мир, всяко должен быть способен выразить им же созданное в не менее стройных и гармоничных фразах, хоть стихами, хоть прозой, а не в корявых каракулях влюблённого пятиклассника.

Гений – это вагон собственноручно наколотых дров и, если повезёт, божья искра на растопку. Не повезёт – ищи кресало, высекать искру придётся самостоятельно.

Видимость лёгкости – признак мастерства, когда читатель, сидя у очага вашего творчества, наслаждается теплом, не думая о затраченных на него человеко-часах.

Профессионализм – не про деньги, потому что деньги делаются на том, что нравится большинству. Профессиональная работа большинству вообще не понятна, так как находится за гранью обывательского восприятия, а не понятное с первой попытки вообще редко кому нравится. Ведь здесь требуется нечто большее, чем из букв складывать слова – надо ещё из этих слов складывать смыслы, а такое с неба не падает, так что у тех, кто шарит в смыслах, редко бывает много денег – ум окупается крайне медленно, в большинстве случаев даже не при жизни своего владельца.

Почему же, в таком случае, я это делаю? Потому что профессионализм – это когда могу равно должен.

Ваш Автор, Тори Грасс

Когда тебя любят

Если женщину спросить, как зовут длинного друга Маугли, три буквы, она задумается и не факт, что с первого раза ответит правильно.

Соседка громко поёт в ванной в половине шестого утра. Её парень подпевает ей из кухни – и то, и другое довольно фальшиво. Им вторит птичий хор, хотя за окном ещё темно: это всё весна! Их оглушительный благовест слышно даже сквозь фрамугу в соседней комнате, дверь в которую закрыта. Кажется, что это звенит, раскрываясь, каждая почка на деревьях. Потом начнётся бесконечная возня машин на дороге под окном, и музыка любви сольётся с прочими звуками города, растворится в них, как тиканье часов: утренник – мероприятие, полдник – еда, дневник – книжка, вечерник – студент, полуночник – "сова", ночник – лампа. Спасибо, голова, что ты – дурдом, в котором я живу и мне не скучно...

Ты никогда не будешь достаточно хороша для того, кто тебя не любит. Безупречная фигура и развитый интеллект, личное обаяние и коммуникабельность, тщательно подобранный гардероб и чёрный пояс всемирной федерации Камасутры – это всё мимо кассы. В его глазах тебе всё равно будет не доставать пары баллов ай-кью и пары размеров бюстгалтера, зато пара сантиметров на твоих бёдрах всегда останется лишней.

Когда тебя любят, тебе необязательно быть красивой. Ты можешь быть полноватой или слишком худой, ходить по дому с небрежно забранными в резинку волосами и без лифчика – в футболке, надетой на голое тело и совершенно нивелирующей всё, что под ней. Да что там без лифчика – без макияжа! Он видит твоё беспомощное лицо с веснушками и припухшими глазами, отросшую на палец седину – но он их не видит: ему всё равно, главное, что ты здесь.

Ты можешь даже быть не очень умной. Эх, да чего там! Можешь быть полной дурой. Во всех смыслах. Не помнить и забывать, терять вещи и ключи, путать право-лево и отвечать не попадая. Говорить бессмыслицы. Совершать глупости. «Ну пипец!», – будет ворчать он, но ты, глядя в этот угрюмый затылок, увидишь, как поехали вверх и назад его уши – улыбается! Станешь слушать, как музыку, эту воркотню, которая составляет неотъемлемую часть твоего уюта.

У тебя даже может сколь угодно часто болеть голова – нет так нет, и тут совсем не важно, пойдёт ли он за «утешением» на сторону или просто подождёт. Может быть, ты стоишь того, чтобы подождать. И того, чтобы дать тебе время на всякую личную смуту, которую требуется пережить внутри себя. И ты схлопываешь створки своей раковины, медленно и болезненно обволакивая перламутром угодившую внутрь острую песчинку – он будет терпеливо сторожить снаружи. Так надо!

А потом, когда ты снова начнёшь замечать окружающее, просто спросит: «Пожаришь мне яичницу?» И ты вздохнёшь, и пошаркаешь на кухню, и сначала будешь долго и бессмысленно пялиться в холодильник. Потом наморщишь лоб, выгребешь какие-то пакеты и контейнеры, повыбрасываешь всё второй свежести и неожиданно приготовишь что-нибудь вкусненькое. И вы будете молча есть это на диване, уставясь в какой-нибудь сериал...

«Ну и где тут любовь?» – спросите вы.

Да вот же она!

Это как вещь, которую никак не получается найти именно потому, что она лежит на видном месте.

Прямой угол

...Как будто нам уж невозможно
Писать поэмы о другом,
Как только о себе самом.

А.С. Пушкин

Вы думали подзаголовок “филологический стендап” был вынесен на обложку для пушей привлекательности издания для интеллигентного читателя? Вот уж нет! И предвосхищая сенсации профессиональных спорщиков, скажу сразу: сейчас я буду говорить банальности.

Да-да-да! – прямой угол составляет девяносто градусов, Волга впадает в Каспийское море, а все авторы пишут исключительно о себе. Что бы ни утверждал Пушкин, при всём уважении к последнему, литературного героя придумали себе сами литераторы, чтобы его существованием оправдывать перед читателями собственные несовершенства.

Даже если автор – брутальный мачо, но в тот момент, когда он пишет о деве юной, воздушной и сладкой, как свежий зефир – он пишет о себе. О том, как он переживает этот зефир. Даже, я бы сказала, пережёвывает – жадно, давясь и истекая слюной, или же, напротив, томно, со стоном закатывая глаза и максимально растягивая удовольствие.

Потому что в реале нет никакого зефира – есть... эмммм... предположим, Света Лапочкина, фея из супермаркета двадцати четырёх лет от роду (фее, не супермаркету). Которая, может быть, и не прочь где-нибудь в подсобке взять и зажечь с автором, мужчина хоть в себя, хоть в Красную армию, но женатый, а ей бы уже бы замуж, в конце-то концов! Да и сколько удовольствие не растягивай, заканчивать когда-нибудь да придётся.

Однако не ограничусь констатацией очевидного и пойду ещё дальше: Читатель, что бы он ни читал, тоже читает исключительно о себе! Та-тааааа!

Как-то раз я имела глупость опубликовать немного сырое, с точки зрения читавшей меня публики, стихотворение, и тут же понеслось! Ох, не зря Зинаида Гиппиус оставила в веках своё бессмертное: “Если надо объяснять, то – не надо объяснять”, ох не зря! Меня тут же атаковали сакраментальным вопросом, что означает строка «Степь обманчиво невинна».

Гиппиус тысячу раз права. Поэзия ассоциативна, и если чьё-то сознание делает на этой фразе холостой оборот, то у этого “кавота” просто нет необходимого опыта. Это не хорошо и не плохо, просто его нет! Только дурак, старательно делая умное лицо, станет уверять, что ему всё и всегда ясно – опыт любого из нас ограничен, и его недостаток может быть замещён разве что воображением, которое тоже не распределено между всеми поровну.

Но даже попытавшись вообразить то, что никогда не было пережито, мы «увидим» совсем другую «картинку», чем та, которую видел автор стихотворения. Пресловутая тучка золотая Лермонтова в сознании каждого из нас будет выглядеть по-разному, сколько читателей – столько и тучек. И это лишает всякого смысла споры о поэзии: она универсальна. Если это, конечно, поэзия, а не графомания. Каждый читатель вкладывает в её образы собственный уникальный опыт.

Но если такого опыта нет, то слова просто останутся словами. Я тоже не всегда могу понять то, что пишут собратья по перу, и не берусь выносить суждений о чужих стихах вовсе не из чувства корпоративной солидарности. Больше скажу: я и свои-то стихи не все могу объяснить, и это тоже нормально. Многие пишется из подсознания, которое смахивает на кипящий супчик: то ломтик морковочки всплывёт, то кусочек мяса – всплывают и облекаются в слова, а объяснять приходится рационально. И тут возникают трудности перевода: интуитивное перевести на язык рационального можно только с изрядными издержками и весьма приблизительно. То есть некоторые вещи можно только прочувствовать – или не прочувствовать, если на шестерёнках вашего чувственного опыта зубцы не совпадают с авторскими...

И последнее, что можно сделать в такой ситуации, это из своего непонимания вывести неудовлетворительное качество произведения: такой «вывод» изобличает человека вздорного и не в ладах с логикой, хрестоматийная ситуация Лисицы и Винограда.

В свете вышеизложенного уже просто нагло лезет в глаза следующий вывод – прям подпрыгивает, гримасничает и машет руками: вот он я, да вот же, ну чего ж вы такие тупые! Слышите? – Тайн не существует! То есть, тайны могут оставаться тайнами, пока не произнесены или не написаны где угодно, а хоть бы и на заборе, за которым складированы дрова. Как только вы открыли рот или занесли руку над листом бумаги – всё ваше досье до копейки сразу стало национальным достоянием. Потому что речь каждого так же неповторима, как папиллярные линии, но, в отличие от них, содержит ещё и полный «хромосомный набор» личности, составленный из нашего образа мыслей и поступков. Мы есть то, что мы говорим, и что на уме, то и на языке, как ни пытайся это спрятать за словами. Изображать из себя то, чем мы не являемся, можно только безмолвствуя, и если бы большую часть времени мы не были заняты собственными проблемами, то все бы про всех давно знали всё.

Но, кажется, за всем нагромождением этих смыслов, я чуть не выплеснула с водой и ребёнка, которого это всё и началось. Степь. Обманчивость. Невинность...

Однажды я проснулась и собралась было сварить себе, по обыкновению, кофе. Но едва спустила одну ногу из постели, как, что называется, «попёрло»: схватила блокнот и карандаш и, сидя в такой нелепой позе, записала почти без исправлений целое стихотворение, которое объяснить не могу до сих пор... Но чувствую именно так!

То же самое с этой обманчиво невинной степью. В силу профессиональной деформации (да-да-да, моя “адекватность” стремительно убывает в обратной пропорции к педагогическому стажу), физиологически не выношу заданных, но не отвеченных вопросов, и поэтому попытаюсь объяснить, что я имела в виду. Есть такое выражение – «пасторальный пейзаж». Или «буколический», эпитет на ваш вкус. Когда на него смотришь, то испытываешь умиротворение, какое, должно быть, знали только Адам с Евой в райских кущах до инцидента с запретным плодом.

“За Минводами светает,
Степь обманчиво невинна.
И пейзажу не хватает
Лишь попа или раввина.

Позади остались груди
Одиноких лакколитов.
Электричка землю крутит
Мимо хуторских калиток.

Камыши вихрами машут
Над колючею щетиной
Перепревших зимних пашен,
И луна висит полтиной

Над пригорком, за которым
Тихо солнце поспевает
Аппетитным, рыжекорым
Раскалённым караваем”.
Так это и выглядело из окна моего поезда.

Словом, то, что мы с вами имеем, – прачечная мистерия масштабов от мелкой постирушки до большой стирки: каждый суёт в этот барабан всё, чем богат. И эта музыка будет вечной! Ибо есть, как минимум, четыре феномена, наблюдать над которыми глаз не устаёт никогда: бегущая вода, пламя свечи или костра, работающий человек и окошко включённой стиральной машины. Про прямой уголь я уже даже и не заикаюсь.

Фанера над Парижем

Я – классическая Фанера Над Парижем, моё основное занятие – пролетать!

Планомерно и последовательно я пролетаю над всем, чего страстно хочу: над Питером, в котором я хотела учиться после школы, и позднее – с упорством обречённой, устраивая себе туда командировки и стажировки (надо ли говорить, что ни одна не состоялась?); над Одессой, от которой даже раз была на расстоянии трёхчасовой поездки морем; над Пушкиногорьем, которое постепенно превращается теперь для меня в мифическое Средиземье с хоббитами, эльфами и гномами, пропорционально шансам туда попасть; над Шотландией и островами Северного моря, над белыми утёсами Дувра, над Чинкве-Терре и Кикладами, ну и, в конце концов, над Парижем, в котором стоило бы хоть умереть...

Как справедливо заметил Воланд, «нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок. Позвольте же вас спросить, как же может управлять <собой> человек, если он ... не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день?» Как говорит мне в такие минуты внутренним с хрипотцой голосом Иванушка Факов, селяви никто не отменял...

В силу какого-то упрямого оптимизма я всё-таки оформила загранпаспорт – где он теперь? Да какая, нафиг, разница, если он всё равно уже давно просрочен! Ведь в судьбоносные моменты моей биографии близкие взяли за правило ломать конечности, и количество родных, помноженное на четыре (без учёта дублей), делает мою жизнь предсказуемо непредсказуемой. А ведь переломами ассортимент развлечений не исчерпывается, и так как денег у меня всё равно нет, то к ликвидации всех этих катастроф тела неизменно привлекают меня. В результате уже я и сама без конца ломаю голову, как с этими катаклизмами соотнести мои собственные проблемы. Адаптивность моего мозга сравнялась с кубиком Рубика, то есть конструкция вращается во все стороны и собирается из любой комбинации. Но она по-прежнему ограничена шестью исходными цветами, и максимум, что удаётся, это с горем пополам восстановить статус-кво.

Поэтому я стала настоящим гуру по части лимонада – ввиду количества халявных лимонов, поставляемых жизнью. Собственно, единственное, чем я располагаю в изобилии! Ну, и то, как, халявных: платить в итоге всё же приходится, но вещами не состоявшимися и потому неисчислимыми.

Так что нет тела – нет дела, а история, как известно, сослагательного наклонения не имеет. Не возбуждает оно её, видите ли! Это бизнесмен может взыскать с клеветника за неполученные доходы вследствие подрыва деловой репутации, а я что предъявлю суду? Кому сегодня интересна безупречная репутация! Так-то. И, знаете, не утешает даже то, что на этот раз вместе со мной попали все – крепнет подозрение, что пандемию устроили исключительно для меня... Кто-нибудь в курсе: преследование потусторонними силами – это паранойя или всё же харасмент?

В общем, приходится с грустью констатировать: не состоялась, не привлекалась, не участвовала. Жизнь прошла мимо!

Опять весна, опять в Париж хочется...

Господи! В этом баре, где ты виночерпий, неужели не нашлось охотников до этого напитка? Или ты устал, о Господи, и перепутал заказы? Я не знаю, из чего смешено то, что горит в моей чаше, но я этого точно не заказывала! Ну чего тебе стоило, Всемогущему, пронести её мимо!

Нет, нет, нет. Только не говори, что это мне. Я такое не пью, ты же знаешь. Мне б холодного брьюта с абрикосами. Мне бы виски с горячим. Только не этой отравы, разрывающей сердце, высекающей искры из пальцев, чего бы они ни коснулись! Не холодного неевского ветра

в перепутанных мыслях. Не беззакатного вечера, переходящего в утро. Только не этих гулких шагов по пустому...

В лунном луче над стаканом, который наполовину... пуст или полон? Не знаю. Ты говоришь, я за это платила. Не верю. Мне такое не по карману, Господи. Кто угощает? Я не знаю здесь никого. Кто все эти люди? Зачем они? Я здесь одна. Я одна везде.

В лунном луче с неподвижным его стробоскопом. Что я увижу за долгое это мгновение? Вокруг и на сцене только паяцы в нелепых до крика одеждах. Нет никого или, может быть, я невидимка?

Господи, если нельзя отказаться, дай же мне, что ли, томатного сока, чтобы запить. Если это пожар, дай мне, что ли бензина! Просто бензина. Мне ведь казалось, что это конечная. У меня дальше нету билета, что делать? Ехать в тамбуре, скрываясь от твоих архангелов? Переспать с пилотом? Или с водилой расплатиться крестом на цепи золотым? Или пуститься пешком? Зачем ты залил в меня это топливо! Мне смешно.

Есть ли что-то скучнее планеты, на которой я сошла так опрометчиво? Но чёртова Аннушка, поди, уже опять разлила чёртово масло.

Ситуёвина

В патриархальном угаре человечество как-то подзабыло: плодом с Древа Познания Змей искушал отнюдь не Адама. Змей, по всему, дураком не был и, поглядев на праотца человека, мысленно воскликнул что-нибудь мордюковское: «Хороший ты мужик, Андреич, но... не орёл!» Подумал, значит, так и решил функцию продления рода человеческого поручить Еве. Та, вероятно, тоже звёзд с неба не хватала, зато внушала некоторые надежды, что при известном развитии событий всяко сориентируется.

Так оно и вышло: когда Господь спросил с нерадивых созданий своих, чего это они натворили, Адам сразу принялся валить на Еву, да так с тех пор и пошло: что бы ни приключилось с сильной половиной человечества – всё из-за проклятых баб! Любой психолог констатирует: комплекс неудачника, и будет прав. Ну, да ладно, мы уже привыкли.

Создатель, кстати, тоже предстаёт не в лучшем виде. Ведь, если разобраться, сотворил-то он род людской по своему образу и подобию, стало быть, нефиг на зеркало пенять! Работай над собой, брат! Ан нет – взял и выгнал из эдемского сада. Чего не вижу, того нет! – и голову в песок.

Да ещё и проклял, что вообще уже неприлично. Ну да ладно, приспособились рожать в муках и зарабатывать в поте лица своего, куда деваться-то. Жить захочешь – ещё не так раскорячишься! Однако вся эта ситуёвина породила и другие последствия.

Поставив на Еву, Змей не прогадал. Пока мужчины пьют водку и проклинают баб, последним приходится соображать, как эту всю фигню теперь разруливать. Причём соображать приходится в процессе выполнения прочих естественных функций, как то: воспитание потомства, содержание хозяйства и утирание пьяных мужниных слёз, переходящих в жестокое похмелье. Итог этих раздумий закрепился в виде обидной для мужчин женской склонности выбирать спутника жизни из наиболее приспособленных экземпляров. Даже самая тупенькая по наитию для брака ищет обеспеченного, по возможности, неглупого и здорового – в самом крайнем случае (так как принцев катастрофически не хватает) хотя бы здорового, чтобы зачал здоровых детей, дальше уж я сама.

Те же из дочерей Евы, что поумнее, в естественном отборе руководствуются более сложным расчётом. Разумно полагая, что невозможно иметь всё, мы берём, что дают, и смотрим, что из этого можно сделать, а главное – как...

Так Священная история с беспощадной честностью запечатлела историю рода человеческого, им же и написанную. Как говорится, устами младенца!

Как там оно было взаправду, дело тёмное, но что Человек наваял себе Бога по собственному образу и подобию, так это просто бросается в глаза.

Иначе с чего бы Он такой?

В прошлой жизни я была мужчиной

В своей прошлой жизни я была мужчиной. Не потому, что это сказал какой-то там гороскоп – таких гороскопов я тоже накопать могу при некотором воображении. Но по целому ряду других признаков – да.

Например, я не люблю шопинг. Посещение магазинов для меня не форма досуга, а неизбежное зло. Приходя в торговый центр, я не совершаю планомерный обход экспозиции с целью изучения ассортимента. Не делаю перерывов в кондитерской или в суши-баре, во время которых иные наслаждаются покупками и осуществляют планирование новых – я сразу же направляюсь туда, где, по моему разумению, может продаваться интересующий меня предмет, нахожу его и несую на кассу. На всё про всё даю себе полчаса: ведь если не уложиться в это время, гарантированно навалится усталость, раздражение и скука. Да так, что уже ничего не куплю. Словом, Цезарь-стайл: вени, види, вичи!

Не люблю всякие там сюси-пусы. Сделайте одолжение, без вот этих вот слюнявых нежностей! Я старый солдат и не знаю слов любви – характер нордический, с товарищами по работе поддерживаю ровные отношения, порочащих связей не имею, и так далее. Если приключится такая проруха, предпочитаю в стоическом одиночестве дерябнуть стопарик-другой, без орошения слезами чых-либо жилеток, а о силе моих переживаний можно будет догадаться только по кратному росту производительности труда.

Судя по тому, как бесят меня альфа-самцы – я альфа-самка! Это при том, что взбесить меня – это ещё надо постараться. Но когда такой гривастый жеребец пытается затолкать меня в свой прайд, построить в ряд с остальными самками и заставить на первый-второй рассчитайсь, я ощущаю острую потребность учинить большой бада-бум – и таки учиняю. Строго во избежание печёночных колик.

Альтернативщики говорят, печень болит при избыточной ответственности. А у меня синдром Прометея: чёртов Зевс приковал меня к чёртову же Кавказу и теперь скармливает здешним воронам мой ливер. А вины моей всего-то – костерок запалила, запальчивая...

Хвала женскому конформизму, доминировать надо мной легко, но бесполезно: сколько бы ни кивала, результат предсказуемо непредсказуем. Могу даже подчиниться – но потом сами об этом пожалеете! Как это получается, сама не понимаю.

И к чёрту избирательное право – я вас об этом не просила! Кто бы ни пришёл к власти, у него есть жена – ну, или другая женщина, которая вправляет ему мозги (или, как он это называет, «выносит мозг»), и он по-своему прав – кто ж ещё *такое* вынесет, кроме любимой женщины!). Чем бы дитя ни тешилось, а голод не тётка. И как бы ты ни был крут, без этой самой тётки тебе придётся туго и при демократии, и без оной.

О чём это я?.. А, ну да. Так вот, за наше избирательное право мужчины получили своё неизбирательное лево, потому что реальное право голоса – у той, к которой он пойдёт вечером. И будьте уверены, что он-таки найдёт куда пойти, если у вас не все дома.

А вот за образование спасибо! Образование – идеальный спутник жизни, с ним могут конкурировать только коты. Если вкладывать в это понятие смысл, который сформулировал герой «Гордости и предубеждения» мистер Дарси – «развитый обширным чтением ум», то такой наполненности и необременительности досугов не обеспечит ни один мужчина, будь он хоть семидесяти семи пядей во лбу. Вечером, после напряжённого рабочего дня, мужчина мало чем отличается от кота: его надо накормить, приласкать и оставить в покое. Если это, конечно, мужчина, а не облако в штанах с неопределившимся гендерным статусом. Так что пусть уж лучше думает, что он царь зверей. Пока он занят – вы свободны!

Когда мне бросают вызов, я его принимаю. Победой не хвастаюсь, поражение принимаю без истерики: перешагнула, вытерла подошвы об асфальт и пошла дальше. Свои проблемы

предпочитаю решать самостоятельно, как и расхлёбывать последствия ошибок, своих и не только. Вот ты злишься, что я ставлю тебя перед фактом – ну да, но заметь: я ставлю тебя перед ним только в том случае, если сама реально не справляюсь. Во всех остальных случаях ты даже не узнаёшь, что у меня вообще имелись какие-то проблемы.

Я живу уже достаточно давно, чтобы понять: то, что снаружи выглядит как «тонкая душевная организация», примерно в половине случаев – голимый эгоцентризм истерического толка, то есть осложнённый потребностью устроить шоу из своих душевных мук, по большей части мнимых. Подобного рода представлений я насмотрелась достаточно, чтобы проникнуться к ним глубоким и стойким отвращением, так что предпочитаю страдать молча, как настоящий мужчина.

То есть снаружи это выглядит как «Улыбаемся и машем, парни! Улыбаемся и машем!» Стоит ли поэтому удивляться, что отдельные из моих знакомых вообще не находят нужным церемониться и опрокидывают свой горячий борщ на мои нежные коленки в полной уверенности, что и так сойдёт? А чего ты, спрашивается, хотела!

Ну не станешь же каждому объяснять, что это только доспехи, а под ними... Ладно, фиг с вами. Железная так железная! Тащите свой борщ, я уже запаслась медикаментами.

Эталонный русский интеллигент почил в бозе вместе с великолепным Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым, сегодняшний может называться интеллигентом с существенными оговорками. Обсцен перестал быть девиацией, язык тела также претерпел изменения, и сегодня, когда со мной случается очередная пакость, я даю себе пять минут на пережить, сутки на собраться и мысленно вскидываю средний палец: не дождётесь!

В конце концов, везёт тому, кто везёт, а кто везёт, на том и едут. Не то чтобы так уж нравилось быть лошадю, но всё же лучше, чем свиньёй или овцой (я сейчас о людях). Спасибо тем немногим, кто ещё помнит, что такое кнут, и всё-таки шадит мою нежную кожу.

И, кстати, избегаю выяснения отношений: отношения либо есть, и тогда их следует принять такими, как есть, разгребая проблемы по мере поступления. Либо отношений нет, и тогда выяснять что-либо уже поздно: уходя – уходи.

Так что, знаешь, всё-таки не стоит рассказывать мне о твоих любовных похождениях: мужчина в моей голове тебя, конечно, поймёт и даже, вероятно, за тебя порадуется – но встанет и уйдёт вместе со мной.

Фсё! (звучит ария Каварадосси).

Любовь с нечистой совестью

Вы ещё краснеете? Я – нет! Мне нечего стесняться. Я застала ещё те времена, когда женщина в брюках – это было смело. Можно сказать, даже дерзко. Шёпоток за спиной: «Она носит брюки!» – было равносильно чёрной метке: да от этой женщины можно ожидать всего что угодно!

Правда, я тогда была ещё совсем маленькая, но отчётливо помню, что юбки всех знакомых тётенек (в том числе весьма корпулентных) начинались примерно на уровне моей макушки. Лет двадцать спустя свекровь моей подружки попеняла ей за длину юбки, которая была на ширину ладони выше колена – дескать, не пристало замужней женщине такое непотребство. Класть палец в рот той подружке не стоило, ибо вместо ответа она предъявила свекрови семейный альбом, в котором сия последняя фигурировала в ультра-мини с будущим мужем первой на руках.

Поди теперь отыщи женщину в юбке или платье! Ну, разве где-нибудь в махровой провинции или, наоборот, на официальном приёме в верхах. Походка в большинстве случаев сваезаколачивающая. То есть соответствующая. Пока ещё в брюках, это терпимо. Но если на эту походку надеть юбку, то ситуацию не спасёт даже паспорт с указанием пола: трансвеститы в роли женщин и то здесь более убедительны.

Зато никто никому не пеняет, и никто ни к кому не пристаёт. А если и пристаёт, то к тем, кто сам этого хочет – все, надо полагать, счастливы.

Люди ничем так не дорожат, как своими стереотипами. Они, стереотипы, наш диапазон восприятия: всё, что за их пределами, для нас как бы не существует. Это как гипер-, ультра- и инфразвук: не слышим, хоть расшибись! Правда, эти запредельные вибрации у отдельных особей могут вызывать дискомфорт в диапазоне от лёгкого беспокойства до приступов неконтролируемой паники. Но позитиввайбс у каждого свои. Природу неизвестного может понять только тот, чьё любопытство окажется сильнее страха.

Это не хорошо и не плохо, просто данность – вот тут мне, спасибо, Фёдор Михайлович, подсказывают: люди делятся на два разряда... Первый – господин настоящего, второй – господин будущего. Первый сохраняет и приумножает – второй двигает и ведёт к цели. Оба имеют совершенно одинаковое право существовать. Так что никто не собирается мочить старушек топором: мы нужны друг другу! Но, как справедливо замечено в одном рекламном ролике, нормальные не изменят в этом мире ничего.

Не дождётесь: как и любая госпожа будущего, я не чайлд-фри. Как у любого любящей папашки, кроме хлыстов, кляпов, наручников и плёток, у меня есть дочь. А у дочери в свою очередь имеется муж. И вот зятем у нас всё в точности как у родины с ближайшим сопредельным государством: сколь ни велика моя к нему симпатия, для него я страна-агрессор, и поделаться с этим фактом ничего нельзя. Я человек мирный и к тому же нежно его люблю – но его бронепоезд стоит на запасном пути, причём даже под паром.

Приезжаю – и сразу попадаю в состояние холодной войны: на всё, что бы я ни сказала, немедленно следует железобетонное «нет» зятя. «Миша, будешь ужинать?» – «Нет». Ну, ладно, нет так нет. Но ведь он непременно должен объяснить мне, почему именно «нет»: «Это не полезно», – и далее следует научно обоснованная критика бесполезных привычек. О'кей, бесполезно! Съем сама.

Я втягиваю воздух – ну, дышу я так! – и снова слышу «нет». «Что нет?!» – «А что вы хотели сказать? Я знаю, что вы сейчас скажете!» Ой, правда? Как удобно, наверное, иметь под рукой такого человека: я и сама не всегда знаю, что я хочу сказать и хочу ли говорить вообще. Прячу улыбку...

Вставая по привычке в четыре утра, я наивно полагаю, что, заняв в это время ванную, никому не создам неудобств: все будут спать ещё самое меньшее часов пять – каникулы! Однако моя вылазка не остаётся незамеченной. Хотя мытьё головы заняло не больше десяти минут, а всё остальное время я провела в своей комнате за ноутбуком, но уже в десять, отправившись за чем-то в ванную, я столкнулась в её дверях с зятем, который с вежливым укором произнёс: «Но вы же здесь с четырёх утра!»

Страна-агрессор. И кому интересен тот факт, что моя злокозненность существует исключительно в его воображении! Однако в день отъезда я таки зажгла – честное слово, не нарочно, но это – увы! – ничего не меняет.

Зять повёз меня на вокзал. Припарковались, прошли через рамки металлодетекторов, взяли вещи, идём. Кто бывал на ростовском вокзале, знает, что досмотровый блок вынесен за его территорию, и чтобы попасть на перрон, надо пройти в здание, подняться на второй этаж, миновать несколько сфинктеров и снова спуститься по очень неудобной лестнице. И вот мы идём со всем барахлом, а громкоговоритель вещает про забытое на досмотре. Зять реагирует: вы ничего не забыли? Я, пересчитав «места», уверенно отвечаю: нет, всё здесь! Сажусь в поезд, расталкиваю по полкам поклажу и тут обнаруживаю отсутствие в кармане телефона и очков. Остались на досмотре среди вынутых из карманов вещей! А «до отправления поезда осталось пять минут». Дальнейшее знаю со слов Машки.

Зять было метнулся обратно, но с перрона попасть назад в здание вокзала уже нельзя! Только в город и только через специальный выход. Охрана его тормознула: куда?! чего?! Мишка орёт: «Мужики!! Мужики!! Пустите за вещами!! А то ... тёща не уедет!!!» «Мужики» вошли в положение, пропустили, и он как стартанёт! Три года не бегал – не то, что быстро, а вообще, из-за больной спины, а тут через весь вокзал, сначала вверх, потом вниз. Охрана на всех этажах через каждые десять метров стоит – никто не останавливал, по рации передали: мужик за вещами возвращается, тёщу провожает! Еле успел. Уже всех загнали в вагон. Отдал проводнице очки с телефоном. Проводница говорит: да, телефон – самое главное!

– Самое главное, – отвечает зять, – чтобы тёща уехала!

Тёщи – они такие... Зато теперь он может не любить меня с чистой совестью!

Ибо, как любил говаривать один мой коллега по писательскому цеху, чистая совесть, хоть о ней нет ни одного упоминания в Евангелиях, посильнее фаллоса Гёте штука будет.

Моя древнейшая профессия

Палач не знает роздыха

Но, все же, чёрт возьми

Работа-то на воздухе

Работа-то с людьми...

Владимир Вишневский

Кризис – это когда профессионализм перестает окупаться.

День начинается с малой войны: рассылаю свои резюме, смотрю вакансии. Вроде бы их не так уж и мало, да и зарплаты предлагаются довольно неплохие – во всяком случае, по сравнению с моей теперешней. Ну, допустим, рядом с ней даже коробочка попрошайки тянет на банковскую ячейку, но тем не менее.

«Ваше резюме нас заинтересовало. Просим ответить на вопросы небольшой анкеты, по результатам которой вы будете приглашены на собеседование». Да легко, наивно думаю я и открываю ссылку...

В анкете, как нетрудно догадаться, перечислены навыки – но не в виде внятных фраз, а на каком-то птичьем жаргоне.

«Каким из хренолизаторов вы владеете: ЁПРСТ? УФХЦЧ? ЪЫЬЭ?»

«Что вы готовы выполнять: общаться с офигаيزерами, мониторить стрёминг, сепарировать груминг?»

И всё остальное (двадцать вопросов) в том же духе.

Это на каком, Алиса в Зазеркалье, языке?! Мистер Кэрролл, признавайтесь: ваша работа?!

Ладно, стрёминг так стрёминг: как было сказано выше, жить захочешь, не так ещё раскорячишься. «Никакой язык не труден для человека, если он ему нужен. Я как-то ухитрился понять даже приказ улетучиться, произнесенный на классическом китайском и подтвержденный дулом мушкета», – пробормотал мне на ухо любезный Сидни Портер, и я принялась яндить (ну не гуглить же, импортозамещение и патриотизм, мать его растак!).

В результате выяснилось, что все эти “ЕЁЮЯ” – как раз и есть то, чем я большую часть жизни и занимаюсь. То, чего я об этих процессах ещё не знаю – либо несущественные нюансы, либо алгоритмы не сложнее стандартных приложений смартфона, которые сегодняшние дети осваивают раньше, чем начнут говорить (что говорит само за себя, хи-хи). Одно из них даже оказалось элементарным текстовым редактором, не слишком удачным, с замысловатым и претенциозным интерфейсом – мне приходилось как-то пользоваться им, выкладывая материалы на сайт. Память не сохранила пышного имени, но физиономия оказалась знакомой...

Я сидела перед компьютером с зависшей над «энтером» рукой и решала дилемму. С одной стороны, в совершенстве владею тем, что требуется для данной работы. С другой – ведь не пройду собеседования, так как первый же вопрос выявит мою сугубую неосведомлённость в наименованиях каких-то протоколов, глубоко и безнадежно для моей деятельности вторичных...

Есть такое слово – симулякр. Оно означает название несуществующего предмета, копию без оригинала, обёртку без содержимого. В эпоху победившего пиара, видимо, оно является критерием карьерного роста: чем больше у тебя таких фантиков, тем ты успешнее. Зачем производить сущности, если система довольствуется видимостями? Я, мы – симулякр!

А мы удивляемся кризису образования! Я не разеваю рот, я перманентно ищу новую работу, и пока она не находится, молюсь. – Кому? – Любому, кто услышит.

Вчера очередной раз легла на амбразуру, выгораживая коллег, которые не сдали документацию в срок. Ну не то, чтобы совсем легла: «стойчески промолчала» будет правильной. Объективности ради, кололи всё-таки без особого пристрастия: к батарее наручниками не пристёгивали, в воду головой на выдох не макали – моё начальство просто до неприличия гуманно в сравнении с чиновничьей инквизицией.

Документация – личный кошмар педагога, да и любого служащего вообще, он является неотъемлемой частью глобального ужаса нашей системы. Мунку и не снилось. Его «Крик» – наша дежурная гримаса перед монитором. Когда смотришь на образовательные стандарты и прочие циркуляры, становится понятно, куда трудоустроились палачи после введения моратория на смертную казнь – рассосались по министерствам.

Какова эпоха, таковы и казни. То, что раньше проделывали с плотью, дабы воздействовать на волевые центры мозга, теперь применяют непосредственно к мозговым нейронам: так гораздо эстетичнее и гигиеничнее, даже костюмчик не мнётся, не говоря уже о том, на что он надет.

То, к чему раньше приговаривали преступников – теперь распространили на всё трудоспособное население, занятое в бюджетной сфере: а нехер зря проедать бюджет! Лечите вы там или учите – извольте это доказать. Никто не требует предъявлять результаты – просто напишите об этом! Всего и делов-то: заполнить пару томов таблиц и форм!

Пожалуй, ни в какой другой отрасли прогресс человечества так не очевиден, как по заплечных дел мастерам. Представители этого цеха, как правило, скромны, в глаза не бросаются, да и приговоры приводят в исполнение в рамках социально одобряемых действий. В нерабочее время их не отличишь от прочих обывателей, и только фанатичный блеск в глазах в момент изобретения очередной бюрократической удавки выдаёт их призвание.

Исключительная мера стала мерой административного воздействия, и в результате никто не лишается жизни. Во всяком случае, не сразу и не в биологическом её понимании. На фоне снижения смертности и увеличения продолжительности продуктивного возраста никто не обращает внимания на то, куда это добавленное нам время расходуется – на оформление планов и отчётов. Планов, которые имеют весьма отдалённое отношение к реальной работе, и отчётов, которые не отражают ничего действительно важного: бумага терпит всё: «Танцуй, словно никто не видит. Пой, словно никто не слышит. Пиши отчёты, словно никто не будет читать».

Беднягам сейчас непросто. Смертников уже давно на всех не хватает, а теперь и вовсе постные времена: гуманизм там, толерантность, мультикультурализм, политкорректность и прочие либеральные ценности. Перечень допустимых казней сжался до клочка шагреновой кожи не более банковской карты, и единственная ниша для почтенного цеха палачей – надзорные органы, достойные преемники Святейшей Инквизиции: как и в древности, им обеспечено покровительство закона.

И плюньте в бесстыжие глаза тому, кто вам скажет, что это только у нас такой специфический полигон бюрократических экспериментов. Как бы не так! Недавно слушала интервью всемирно известного американского профессора, популяризатора науки и автора бестселлеров: администрация Принстона и Гарварда обставляет обучение кучей условностей, непростиительно вмешивается в науку и наступают на горло всякой свободной мысли.

Дело Прокруста живёт и побеждает!

Глокая куздра

Утром никогда не знаю, с какой стороны кровати оставила тапки: с одной стороны балкон, с другой всё остальное. Ночной балкон, отрада мизантропа – посмотреть на безлюдную улицу, послушать тишину, птичек, если дело к рассвету. Остановись, мгновенье, ты прекрасно, – требует мой внутренний Фауст, но выходят на тропу собачники и любители скандинавской ходьбы, проезжает первый трамвай, и пошло-поехало...

Однажды, когда тебя «накрыло» – что неудивительно при графике «двадцать четыре на семь» – на моё предложение взять больничный и хотя бы отоспаться ты ответил: а, ничего, отхихлю! Словечко мне понравилось, но я его тут же забыла и потом, когда «накрыло» уже меня, всё никак не могла припомнить.

Испытания нам даются в том числе и для того, чтобы осознать бесполезность «полезных советов». Особенно умиляют предложения «чем-нибудь заняться»! Безусловно, работы в мире больше, чем желающих её выполнять, а умеющих её делать правильно – и того меньше. Поэтому работа как гидра: на месте каждой отрубленной головы вырастает ещё с десяток, то есть чем больше её делаешь, тем больше остаётся. На каком-то этапе приходит понимание, что примерно две трети любой работы – это исправление косяков, как собственных, так и допущенных другими. Так что спасибо, чем заняться у меня уже есть!

«Да плюньте в лицо тому, кто говорит, что филологи — это нежные фиалочки с горящими глазами! Я вас умоляю! На самом деле они мрачные желчные типы, готовые язык собеседнику вырвать за фразы типа "оплатите за воду", "мое день рождение", "дырка в пальте"...» – Голос с последней парты: «А что не так с этими фразами?» – Преподаватель, поправив очки: «А на вашем трупе, молодой человек, они бы еще и попрыгали!» (Современный фольклор)

Тут давеча кто-то обмолвился, что нет ничего скучнее, чем разговаривать с филологами, этими провонявшими нафталином ханжами, цепляющимися к каждому слову, и тому подобное...

Вы это серьёзно?

О. Генри на вас нет, однажды сказавшего: «...с какой стати название профессии превращать в определение человека? Будем справедливы. Ведь мы не именуем «невестами» всех девушек, живущих на Пятой авеню». Великолепный Уильям Сидни Портер, лучшие свои книги написавший в местах не столь отдалённых, вступился бы за честь нашей профессии – вот кто был истинным филологом по духу, даже не имея диплома Лиги Плюща. Ибо филолог – это не профессия, а образ мыслей. Даже, если хотите, образ жизни!

В девяностые, торгуя книгами, мы всё это проходили: шлюзы открылись, и на неподготовленные головы «дорогих россиян» хлынул поток популярной психологии, философии и беллетристики, качественной и не очень (в пропорции примерно 3:7). Сейчас даже забавно вспоминать, какой аджаб-сандал варился в голове от всех этих противоречивых «школ» и «практик». В общем, свершилось по писаному: «Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса...». Но даже мне тогдашней, неискушённой и жадной до чтения, всё это быстро прискучило.

Из прочитанного в голове зацепился только дзен с его ненатужным минимализмом, и это было единственное увлечение, оставившее по себе целую полку в шкафу: монографии, путеводители, справочники и художественные альбомы по японскому искусству...

Мы редко собираемся вместе, потому что вечно заняты – наши знания оплачиваются весьма скромно, так как они незаметны, как воздух, пока он есть. Но наша переписка в мессенджерах – это криптограмма, в которой все слова не то, чем кажутся на первый взгляд: оценить зашифрованную в них иронию способен только посвящённый. Вы читаете этот изящный, хорошо темперированный клавир, даже не подозревая о том гомерическом хохоте, который

стоит за каждой из фраз. Даже если мы резвимся топлес в фонтане на главной площади, со стороны это будет выглядеть как чинная беседа институток под кружевными зонтиками где-нибудь в тёмных аллеях.

И, кстати, о Бунине, чей виртуозный мат впечатлил даже бывшего матроса: а что вы хотели от действительного члена Российской академии изящной словесности? – мат интересен нам не меньше, чем остальные феномены родного языка. Разница между нами и упомянутым матросом в том, что так, как он, мы умеем – но не наоборот. Грамотный филолог уест вас и без единого обценного слова, но при помощи таких виртуозных дефиниций, после которых вам придётся долго и мучительно восстанавливать самооценку, тогда как ни один адвокат не сможет притянуть его к суду, ибо лингвистическая экспертиза как дважды два докажет абсолютную невинность и благопристойность использованных выражений.

Ничто не даётся так легко и не стоит так дёшево, как хорошие советы. Я сама могу насочинять таких практически любое количество. Беда в том, что они не работают. Ну, не то чтобы совсем, но имеют весьма ограниченную область применения. Это вам, ребята, не исцеление Лазаря, когда «и сказал ему: встань и иди – и он встал и пошёл». Жизнь неистоцима на выдумки и на каждую нашу новую «вакцину» реагирует очередной своей мутацией – а как иначе заставишь нас шевелиться и шевелить мозгами? «Скушные» мы чуваки. «Скушные» и предсказуемые.

Ну, а так-то конечно: отхилию! Вопрос только – когда? И что закончится раньше: отвёдённое мне время или сам квест? Таймер запущен.

Засим позвольте уверить Вас в глубочайшей преданности,

Ваша Глокая Куздра.

Кто это такая? А Гугл Вам в помощь!

Восемь минус три

У меня сбрендил тонометр.

Застилаю утром постель, а на прикроватном столике вдруг пикнуло, загудело и прибор начал с натугой, но самозабвенно закачивать воздух в манжетку. Я вздрогнула, но решила: может быть, случайно задела у него какую-то там кнопку? Тонometr ведь тоже мужского пола. Как и чем женщина может ненароком задеть мужчину – испокон веков остается тайной за семью печатями.

Каким образом такое могло случиться с моим тонометром – непонятно, но мало ли: меня изначально выпустили с заводским браком, и потому мои главные природные враги – всевозможные углы, дверные ручки, ограничители и прочие выступающие части конструкций, к которым я гарантированно прикладываюсь разными частями тела, приобретая актуальный принт леопарда-индиго. И хотя кнопка тонометра не только не выступает, но и даже слегка утоплена в корпус, с меня станется, привычно подумала я и переложила прибор на безопасное расстояние, отключив от сети и спустив из него воздух.

Но когда я покидала спальню, он заработал вновь и показал давление сто сорок на семьдесят пять, пульс – восемьдесят. Чьё оно, так до сих пор и не знаю: обычно сразу после случайного запуска дисплей выдаёт ошибку и прибор отключается автоматически. Но не на этот раз...

Один мой знакомый физик говорит, что далеко не все явления можно описать с помощью известных нам законов, и я склонна ему верить. А Людвиг Витгенштейн так и вовсе утверждает, что всё мыслимое возможно, то есть наш мозг нарочно заточен под этот мир, и все создаваемые им конструкты либо уже где-то существуют, либо могут быть воспроизведены. А раз так, то общеизвестная версия Священной истории не обязана быть единственной. Почему бы, например, не предположить, что у людей изначально были крылья? Сплошь и рядом литературные персонажи тоскуют по поводу их отсутствия, и это жжжж, мне думается, неспроста. Ну, посудите сами: практически во всех верованиях имеются крылатые гуманоиды – человекоподобные существа высшего порядка. «Так они же ведь живут на небе, вот и крылья!» – скажут мне, и опять мимо: а кто их, спрошу я, туда поместил? То-то же! «Если бы Бога не было, его следовало бы придумать». Так же, как и более-менее внятное объяснение, откуда на мне берутся синяки, о которых я никогда не помню, возбуждая самые мрачные подозрения у своей половины.

Но у меня есть и более надёжный свидетель – язык. Во многих языках, начиная с русского, дух – некая высшая сущность, бесплотная материя (да простится мне такой парадокс), обитающая в нашем теле и придающая некоторый смысл его существованию. Тело сервильно, оно только обслуживает дух, который есть то, что мы выдыхаем после его, тела, смерти. Дух – дыхание – душа. Процесс дыхания накрепко слит в нашем сознании с духом уже в самом корне, именно его мы исторгаем при последнем выдохе, и он воссоединяется с абсолютом...

Ну, или как-то так. «Воз-дух» – дух, возносимый вверх. Вверх, заметьте, а не вбок и не вниз! То есть, туда, куда пресловутый Макал телят не гонял: тело слишком тяжёлое, чтобы вознестись. Дух ему даётся во временное пользование, для «прокачки» некоторых качеств, и по завершении процесса его необходимо вернуть на место. Если тело не справилось, душу бракуют и отправляют в ад – своего рода хранилище вирусов или корзину, которую потом, очевидно, опорожняют, а содержимое утилизируют.

Когда тело спит, душа выходит погулять и возвращается с новыми впечатлениями, которые мы называем сновидениями. Разумеется, они причудливы: телу такое слабó!

Цель земной жизни религиозного человека – попасть по её окончании на небо, вернуться домой, и это его единственный стимул жить достойно. Цель жизни атеиста – светлое будущее, которое, по сути, мало чем отличается от библейского рая, и чтобы оно состоялось, жить

надо так, «чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёг позор за подленькое и мелочное прошлое...» (далее по тексту). Словом, сколько ни упражняйся в цинизме и скепсисе, а «она всё-таки вертится». Она есть. Она болит! – это фантомная боль отнятых у нас крыльев, заставляющая нас совершать поступки, не обусловленные биологическими потребностями и с рациональной точки зрения необъяснимые...

Что ж, день настал. Пора размять крылья! Плюнула на мистический тонометр, прочла сообщение от дочери:

– Миша грустно констатировал отсутствие у Вероники способностей к математике: он ей несколько минут объяснял, как отнять три от восьми.

– И что?

– «Я ей так и не объяснил, – говорит. – В конце концов она просто выудила ответ у меня». Я говорю: ну, значит, с главной женской способностью у неё всё в порядке. Не пропадёт! Может, я чего не понимаю, но способность побудить мужика к решению проблемы – это важнее, чем отнять три от восьми.

– А я всю жизнь отнимаю три от восьми...

А Карлсон взмыл к потолку, сделал несколько кругов, облетел лампу и на прощание помахал фрекен Бок тюлевыми накидками: – Гордая юная девица улетает далеко-далеко! – крикнул он. – Привет!.. Почини, наконец-то, тонометр!

Гравитация лаконизма

Терпеть не могу выражение «простые люди». Не приемлю до такой степени, что, едва заслышав эту, прости господи, идиому, тут же ставлю вопрос: кто такие? Прежде это хоть что-то означало, было мемом и едва ли не почётным званием: Простой Советский Человек! Этаким сын лейтенанта Шмидта или гордый своим рубищем строитель узкоколеек: «Человек – это звучит гордо!», если пренебречь тем, в чьи уста вложил Максим Горький эту горькую максиму.

Потом правила изменились, и «простые люди» в устах обывателя постепенно утратили величие, а вместе с ним и классовые привилегии: стремительно поднявшиеся Изгрязивкнязи вообразили себя волшебниками и, восседая в своём Министерстве магии, принялись измышлять способы стирания памяти у маглов (они же “нищоброды”), которым не следует помнить обо всех их чудесах и превращениях по пути к богатству и известности: маглы должны работу работать и помалкивать. Им, так и быть, милостиво позволено иметь собственные мысли, но держать их следует исключительно при себе, как блох, дабы этими мыслями не нарушать умственную гигиену и комфорт небожителей. Им – то есть нам. Ну, да Бог им судья!

Люблю классификации, это как уборка в мозгах – всё по полочкам и не надо мучительно долго искать каждый предмет. Тут главное правильно выбрать основание деления. Если по степени влияния мы делимся на...гм...магов и маглов, то по отсутствию-наличию комплексов в отношении мужских комплексов есть женщины-оборочки и женщины-воротнички – сейчас поясню!

Наша природа вообще утилитарна по определению – к примеру, из меня в течение десяти лет первого брака пытались сделать женщину-тапочку, но, несмотря на все усилия Папы Карло, отрезанный каблук выросал снова и снова...

Вот, например, по какому критерию мы определяем людей в «простые»? – По отсутствию манер или диплома о высшем образовании? По роду занятий? Размеру доходов? И что такое вообще простота? Незамысловатость, недалёкость и непритязательность – или, напротив, такой уровень самодостаточности, при котором в любой компании ты абсолютно органичен, не причиняешь ни малейшего дискомфорта окружающим и не испытываешь его сам? У англичан такой человек называется «джентльмен» (или «леди»), и это высшая оценка качества личности. А вот снобизм и чванство выдают простолюдина, который стремительно поднялся и теперь что есть силы спешит отмежеваться от папы-слесаря и родной хрущёвки, даже не догадываясь, как нелепо выглядят его потуги на аристократизм. То ещё амбре! Как выразилась в 80-е моя однокурсница: «Поверх нашего советского пота – дорогой французский парфюм!»

А Женщины-оборочки и Женщины-воротнички (из всего разнообразия возможных вариантов я остановлюсь на этих двух), как следует из названия, определяются по одежке: когда мужские взгляды, в силу неумолимой гравитации, начинают соскальзывать с твоего лица к экватору, ты понимаешь, что стала взрослой. И раз за разом наблюдаешь более или менее плотное облако разочарования, когда они обнаруживают на карте отсутствие вершин, достойных того, чтобы водрузить на них флаг своей родины.

Вот тут-то и начинается твоя эволюция к оборкам или воротникам, в зависимости от того, способна ты или нет смотреть правде в глаза. Во всяком случае, существует стойкий предрассудок, что отсутствие округлостей в некоторых местах следует компенсировать обилием мануфактуры. Типа, это выглядит достаточно сексуально. Ну, не знаю, правда, что ли? Я никогда не была женщиной и уже вряд ли им буду в текущем воплощении, но, на мой непросвещённый взгляд, если накрутить на фонарный столб несколько метров оборок и кружев, он едва ли станет более желанным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.